

ЛИНГВИСТИКА

УДК. 801. 311.55 (282.256.341)

DOI 10.17223/19986645/33/1

Л.И. Горбунова

БАЙКАЛ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СИБИРЯКА

*В статье рассматривается содержание концепта **Байкал**, отраженное в текстах произведений, представляющих профессиональную и наивную поэзию и прозу сибиряков. Концепт рассматривается как хорошо структурированное целостное ментальное образование, в котором аксиологическая, понятийно-логическая и образная составляющие взаимообусловлены и демонстрируют важное и особое место, которое занимает Байкал в картине мира сибиряка.*

Ключевые слова: русский язык, когнитивная лингвистика, региональная картина мира, концепт, гидронимы, Байкал.

Мы с рождения впитываем в себя картины своей родины, они влияют на наш характер и в немалой степени определяют нашу человеческую суть. Поэтому недостаточно сказать, что они дороги нам, мы – часть их.

В. Распутин

Концепт – это «единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1. С. 48]. В семантике концепта как многомерной оперативной единицы мышления выделяются прежде всего понятийный, образный и ценностный компоненты [2. С. 39].

Традиционно описание содержания концепта начинают с понятийно-логической составляющей, поскольку, по мнению большинства исследователей, именно она является важнейшей и определяющей в структуре концепта [3, 4]. Однако описание концепта **Байкал**, на наш взгляд, более продуктивным будет начать с аксиологического компонента по двум причинам. Во-первых, наличие данной составляющей позволяет безоговорочно отнести данное ментальное образование к разряду концептов, выделить его на фоне понятий, не претендующих на данный статус. Во-вторых, как показало предварительное рассмотрение, именно место в ценностной картине мира, отводимое Байкалу, во многом определяет содержание всего концепта. Содержание концепта **Байкал** выявлялось на основе контекстов, выбранных из статей, опубликованных в областной газете «Восточно-Сибирская правда»

(1997–2013 гг.), и из произведений, представляющих профессиональную и наивную поэзию и прозу сибиряков¹.

Основу ценностного компонента концепта **Байкал** формируют реальные объективные качества озера: размеры, глубина, функционирование, качество воды, растения и животные. Эти характеристики озера квалифицируются как сущностные:

1) *Байкал как таковой (в смысле: самый глубокий, прозрачный, планетарные запасы воды... омуль, нерпа)* (А. Кошелев).

Особое место природного объекта отмечено во всем мире, что также мотивировано его уникальными качествами:

2) *Включение Байкала в список мирового природного наследия во многом обусловлено значительностью... побережья Байкала* (С. Устинов).

3) *Интерес к великому озеру понятен. Байкал стоит в одном ряду с такими чудесами света, как Ниагарский водопад или египетские пирамиды. Таких объектов на планете меньше, чем пальцев на руке* (В. Кинщак).

О Байкале говорят *само совершенство*, его называют *уникальным, великим, чудом, самым-самым*, выделенным из обыденного окружающего мира, порой не принадлежащим к нему:

4) *А ведь параллельные миры действительно существуют. Один из них – озеро Байкал* (Д. Федорова).

Осмысление Байкала как уникального объекта подкрепляется осознанным, а порой и суеверным отношением к нему как к непознанному и непознаваемому, влияющему на все окружающее:

5) *Древний возраст и таинственное происхождение Байкала, его глубина и чистота воды, непредсказуемость характера и уникальность его живых форм – все это само по себе уже метафора, уже формула, которую хочется разгадать, книга на неизвестном языке, которую хочется прочесть во что бы то ни стало* (Л. Сухаревская).

6) *Значимость Байкала, его святость, очищающее душу воздействие – это он сам, его божественная первозданность* (А. Кошелев).

7) *Байкал действительно потрясающее, мистическое место* (А. Байрамкулов);

8) *Вы плыли над самым глубоким местом на Байкале? Не было какого-то сакрального чувства или страха в тот момент?* (Т. Постникова).

9) *Места рядом с Байкалом в человеке пробуждают скрытые силы и способности* (Ю. Баранов).

Порой Байкал вызывает и апокалиптические мысли:

10) *Ты, мой край, – гласит преданье, – кончишь дни свои провалом, и, ударами встревожен, над тобой Байкал сомкнется* (В. Михеев).

Самый частотный оценочный контекст организуется прилагательным *священный*. Особо аксиологическую направленность такого рода контекстов проявляет предикативное употребление прилагательного:

11) *Байкал – море священное* (К. Балков).

¹ В статье в соответствии со сложившейся традицией наименования объектов действительности подаются обычным шрифтом (озеро Байкал), имена концептов – полужирным (концепт **Байкал**), языковой материал – курсивом (существительное *Байкал*).

Байкал непостижимым образом влияет на людей:

12) *Всю суетливость погасили воды... И чистота святая возникает от близости Байкала и небес* (М. Сергеев).

13) *Будто неведомая сила притягивает к Байкалу людей, и учёные не исключение... Байкал дарит им не только душевный покой, но и упоение наукой* (В. Губарев, М. Кузьмин).

Место Байкала в системе ценностей сибиряка точно формулирует В. Распутин:

14) *До того человек испытывал к Байкалу, как к опустившемуся на землю всесильному божеству, страх, почтение и благодарность* (В. Распутин). Показательно, что аксиологическая окраска концепта совпадает у носителей как художественного (В. Распутин, М. Сергеев, К. Балков), так и научного (М. Кузьмин) сознания.

Данная составляющая ценностного компонента концепта парадоксально уживается с другой, обусловленной всепоглощающей экономической устремленностью нашего времени. Эта парадоксальность полностью репрезентируется употреблением вроде *наше национальное сокровище, жемчужина России*. Уникальность Байкала отчетливо осознают живущие на его берегах. Прочно связанный в сознании с определенным местом на карте, известнейший географический объект, озеро Байкал является репрезентантом Иркутска, Иркутской области и Сибири в целом:

15) *68% туристов, посещающих Иркутск, ассоциируют его с Байкалом. Называют «городом у великого озера». Таковы результаты социологического исследования* (Е. Давыдова).

16) *Иркутск – действительно особый город. У нас располагался губернатор всего Зауралья. У нас – Байкал, это явление исключительное, мировое, которого нет ни в Новосибирске, ни в Питере, ни в Томске, ни в Москве* (Б. Говорин).

Именно поэтому слова *Байкал, байкальский* выступают как частотнейшие в названиях местных фирм, учреждений, продуктов, даже животных у нас называют *Байкал*. *Байкал* – присвоенное, приватизированное имя:

17) *Мой Байкал, наш Байкал* (И. Широбоков).

Уникальность и обусловленная ею брендовость Байкала активно, порой даже спекулятивно, эксплуатируется, определяется исключительное право некоторых территорий на сам объект и его имя. Встречаются весьма красноречивые контексты и целые статьи:

18) *«Раскрутка» священного озера* (Е. Петрова).

19) *Между тем случаи национализации слова «Байкал» существуют на региональном уровне... По замыслу института, бренд «Байкал» может быть приравнен к бренду «Россия», использование которого регламентируется законом... Предлагая возвести бренд «Байкал» в статус национального, представитель Института развития Дальнего Востока и Забайкалья предлагает покончить с ситуацией, «когда одновременно существуют маленький магазин «чулки-носки» под названием «Байкал» и такие структуры, как «Байкалфарм» или ансамбль «Байкал», которые создают положительный имидж Бурятии за её пределами»... Ожидается, что от национализации*

бренда «Байкал» должны получать дивиденды Республика Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край (Е. Давыдова).

Таким образом, определенное место концепта в системе ценностей является регулятором деятельности людей, в том числе экономической. Данный факт говорит о том, что **Байкал** занимает важное место в концептосфере сибиряка, однако при отчетливо осознаваемой и беззастенчиво эксплуатируемой уникальности Байкала отношение к нему как к священному сейчас скорее декларируется, чем реализуется. Но все же

20) *все, кто хочет быть в ладу с Байкалом, стараются помнить о местных традициях* (http://baikalinfo.blogspot.ru/p/blog-page_17.html).

Понятийно-логическая составляющая концепта **Байкал** представляет несомненный интерес и выделяется на фоне данного компонента многих других концептов тем, что, во-первых, соотносится с единичным понятием, а не с общим, как это характерно для многих других концептов. Во-вторых, понятийно-логическая составляющая концепта отражает результаты весьма специфической категоризации объекта Байкал.

Как известно, Байкал – это озеро, поскольку характеризуется релевантными признаками этого класса объектов: водоем, природного происхождения, непроточный, не имеющий выхода к океану. Однако, обладая всеми этими знаниями и отчетливо соотнося Байкал с классом озер, сибиряк все же включает его и в другой класс водоемов, называя Байкал то озером, то морем, то озером-морем. Как известно, невозможно, чтобы в научной классификации один и тот же объект, например вещество или животное, относился к разным видам. То, что носитель языка относит Байкал то к озерам, то к морям, то к озерам-морям, говорит о принадлежности концепта **Байкал** к наивной картине мира.

Эта двойная категоризация проявляет черты дистрибуции. К категории озер Байкал относится в следующих ситуациях:

- при назывании Байкала как географического объекта;
- при сопоставлении с другими озерами (*организация ежегодных совместных российско-американских экологических экспедиций на озера Тахо и Байкал; для туристов огромный интерес представляют озера-спутники Хубсугул и Байкал; среди десятков тысяч озер, существующих на планете, ученые выделяют девять «древних»: Байкал, Танганьiku, Викторию, Малави, Титикаку, Биву, Охрид, Каспийское море и Хубсугул*). В таких случаях Байкал часто ставится в ряд с другими озерами для подчеркивания его уникальности, выделенности, что согласуется с аксиологической составляющей концепта;

- в текстах, близких к научному и официально-деловому стилю, что оправданно требованием точности, безэмоциональности (*заседание Межведомственной комиссии по вопросам охраны озера Байкал; об усилении контроля за организацией массового летнего отдыха населения в рекреационной зоне озера Байкал; изучал древнюю историю Земли по глубинным озерным осадкам; оказали воздействие и на другие озерные процессы; морфологически выраженные горы в обрамлении озера и сама озерная ванна*);

- во избежание повтора (пример 21), когда слова *озеро* и *море* выступают как синонимы:

21) *В течение... тура исследуют «священное море»: заглянут в самую бездну озера через прозрачный лёд, ощутят кристальную чистоту морозного воздуха* (Пресс-центр «Зимниады»).

- в контекстах, выражающих отношение, слово *озеро*, как правило, используется только в соответствующем окружении (*великое озеро, величавое, уникальное, чудесное, священное, одно из уникальнейших озёр мира, чудо-озеро*).

Байкал категоризуется только как море

- в текстах с эмоционально-оценочной составляющей: водоем, играющий такую значительную роль в жизни региона, занимающий такое важное место в сознании и душе носителя языка, относится к категории более важных, значимых водных объектов, чем озера. Это можно объяснить тем местом, которое концепт **море** занимает в русской языковой картине мира, **озеро** же на фоне **моря** не обладает таким мощным аксиологическим зарядом. Повышение категоризационного ранга объекта согласуется с аксиологической составляющей концепта.

22) *Море – это, естественно, Байкал – «око Земли», «славный», «священный», «седой», «батюшка»* (В. Киншак).

23) *От порта Байкал до Нижнеангарска море, как тогда думалось, удалось показать нам весь свой характер, все свои красоты и грозности* (С. Устинов).

- в текстах, отражающих жизнь людей, непосредственно связанных с Байкалом.

24) *Вскоре вся земля содрогнулась. Упала от меткого выстрела та птица, огонь начался такой, что небу жарко стало. Народ разошелся из этой тайги по горам и увидел, как сквозь пламя столбы воды пробиваются. Так море на том месте стало. Когда земля и тайга горели, народ все кричал: «Байкал, Байкал!» Когда море стало, за тем местом имя Байкал из века в век сохранилось* (В. Зорин).

25) *Лишь чинят у моря худые баркасы* (В. Забелло).

26) *Помните, американка Лин Кокс переплыла Байкал. А мы в Листвянке как раз оказались... Вот её бы с собой в бочку взял! Но женщин в море не берут* (Е. Арбузова).

27) *Зная эту уловку Горной в Хаврошке, опытные капитаны всегда далеко морем её обходят* (С. Устинов).

28) *«Это я обет дал: пока в море не уйду, стричься не буду», – заявляет Николай Фёдорович* (Е. Арбузова). В письменных текстах такого рода слово *Море* часто начинается с прописной буквы, что возводит его в ранг собственных наименований данного водного объекта:

29) *Мол, на Море сейчас меньше порядка, браконьеры отвязались, скоро омуля не станет* (Н. Мичурина).

При включении Байкала в категорию **море** не учитывается основной категоризационный признак научного понятия **наличие выхода к океану** – наивная категоризация происходит на основе чувственно воспринимаемых

нерелевантных признаков, но таких, которые квалифицируются носителем языка как важные, репрезентирующие в его сознании море¹.

30) **Синий**, *похожий на море Байкал* (Н.В. Устрялов).

31) *Эта экспедиция сформировала у русских реальное представление о Байкале как о водоеме, требующем доброкачественных морских судов... На переправе работало два ледокола* (С. Жартун).

32) *В его повадках – облик моря и отзвук в говоре морской* (Ю. Манш).

Данный факт говорит о ярко выраженной наивной природе концепта **Байкал**, противопоставлении его понятийно-логической составляющей объему научного понятия **Байкал**. Сибиряк считает Байкал морем потому, что у него обнаруживаются явные чувственно воспринимаемые признаки моря: *морские просторы; морские портовые сооружения; морской порт, который сможет принимать судна любого типа; воздействие влажного морского климата; глубины морские; высокие в неукротимой мощи своей, крутобокие, тяжелые волны с белой шипящей верхушкой; каждый год: здесь то торосы, то большой снег, то голый лёд; шум прибоя; шесть баллов на море; береговая линия моря; лёгкий бриз; девятый вал; мореходок серые громады отдыхать легли на берегу; ветер за несколько часов переделает всю волноприбойную полосу, перебрасает многие тонны камней.*

Имеются и прямые объяснения категоризации **Байкал-море**:

33) *В народе зовут его морем, так как воды в нём очень много и глубина его огромна, и что штормы на нём бывают такие же, как на море* (С. Дудник).

Кроме того,

34) *«среди коренных народов Прибайкалья и Забайкалья существует поверие о том, что Байкал соединён подземной водной перемычкой с Северным Ледовитым океаном»* (академик Г.И. Галазий), что наукой не признается, но, возможно, все же повлияло на характер наивной категоризации.

Включение Байкала в категорию **море** проявляется на уровне словообразования (*много диковин морских, кувалда заморского ветра, заморские (забайкальские) жители*) и при употреблении фразеологизмов (*выйти в море, в открытом море, попутного вам ветра и семь футов под килем!*) Байкальские топонимы также закрепляют данный тип категоризации (*Малое море, Приморский хребет, в местности, называемой аборигенами Подлеморье*). Как видим, слово *море* используется в качестве производящего в различных словообразовательных моделях. Показательно, что слово *озеро* не функционирует столь часто и разнообразно: прилагательное *озерный* в отношении Байкала было использовано в газете «Восточно-Сибирская правда» с 1997 г. только 11 раз и 6 раз *заозерный* как часть названия охотучастка и лесничества.

Исторические и этимологические справки также закрепляют описываемую категоризацию:

35) *Отсюда начинался путь на Байкал и в Забайкалье, поэтому застава называлась **Заморской*** (А. Махнева).

¹ По-видимому, подобную ситуацию можно обнаружить при наивной концептуализации некоторых других водных объектов, результаты которой могут быть закреплены даже в официальных географических названиях, например (*Каспийское море*). Однако подтверждение этой аналогии требует проверки на основе обширной эмпирической базы.

36) По Далю слово **култук** толкуется как 'тупик или **морской залив**' (В. Демин).

37) Другая главная улица города – Ленина – до 1858 г. именовалась **Морской и Заморской**, так как по ней ехали за море (Байкал) (В. Дулов).

38) ...нерп на Байкале зовут уйканами, **морскими зайцами** (Ю. Сергеева).

Отсылка к прецедентным текстам, например к песне «Славное море, священный Байкал», повестям Геннадия Машкина «Синее море, белый пароход» и Э. Хемингуэя «Старик и море», также актуализирует включение Байкала в категорию **море**:

39) *Славное море, белый теплоход* (М. Лужнов).

40) ...*Написал картину «Старик и море» под впечатлением от повести Хемингуэя. Закат солнца, на берегу Байкала сидит старик, рядом собака* (С. Мазурова).

С морем Байкал стали соотносить уже первопроходцы:

41) *Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земно-описателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкал, который большая великая пучина есть, никакого упоминания нет...* (Н.Г. Милеску Спафарий).

42) *Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи и омули и сига и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы велики в нем: во океане-море большом, живу-чи на Мезени, таких не видал* (протопоп Аввакум).

43) ...*сотник Петр Бекетов с казаками и отправился через Байкал-море на реку Шилку...* (летопись Баснина). А песня «Славное море – священный Байкал» закрепила это представление, заняв в сознании сибиряка место прецедентного текста.

Таким образом, понятийно-логическая составляющая концепта **Байкал** не сводится просто к совокупности релевантных признаков понятия – она отражает особенности категоризации и выделяет признаки, значимые для носителя языка в обыденной жизни для отождествления данного класса объектов. При этом наблюдается полное согласование аксиологической и понятийно-логической составляющей, эксплицированное, например, в такого рода двойных оппозициях (противопоставлениях одновременно понятийных и аксиологических):

44) *Для нас ведь и сегодня Байкал – это не просто озеро, а священное море* (А. Махнева).

Образная составляющая концепта **Байкал** может быть прежде всего охарактеризована как поразительно целостная. При наличии некоторых единично встречающихся образов (*колодец Земли, око Земли*) Байкал регулярно осмысливается как

45) *священное живое существо, обладающее крутым необузданным нравом, глубокой неразгаданной душой* (М. Рыбак). Он *могучий великан, богатырь заколдованный, очень сильный физически и психически*.

Из телесных признаков в текстах систематически отражается только наличие головы и лица (*лицо Байкала; морщинистый лоб Байкала; он голову, устав, на берег клонит; дышит гневным огнем разрушающий взгляд; взгляд бирюзовых глаз; над запрокинутым взором Байкала*), остальные части тела

упоминаются в единичных примерах (*и горбится могучая спина; пар идет от потных плеч Байкала; голубая байкальская кровь; руки-волны; твои три ветра, как на свадьбе, пируют на груди твоей*). Данный факт вполне согласуется с тем местом, которое отводится в русской языковой картине мира голове и лицу как важнейшим представителям и заместителям самого человека. Однако физические действия и состояния, характеризующие Байкал, говорят о том, что это целостный живой организм, обладающий всеми физиологическими системами (*чистое, мощное дыхание Байкала; натруженно вздыхало священное море; Байкал видел все; внимательно выслушал мудрый Байкал; загудел, зароптал; то ворча, то смеясь; глухо рыдает; плакал Байкал; слёзы Байкала; спит могучий Байкал; склонился и дремлет на каменном ложе; томится, как тюлень; вальяжно нежжисься; по тебе идет волнами дрожь; гримасой боли; Байкал плясал; чем она угрожает здоровью сибирского моря*). При этом всегда подчеркивается недюжинная физическая сила: *бурного озера волны сердитые рвались титанами ввысь; ты проявил свою силушку властную; необозримых вод могучий исполин*.

Психологический портрет Байкала представлен яркими, интенсивными, чаще деструктивными эмоциями. Он *страсти сгусток, рвущийся на волю; буйной ревности порыв; он то безумный, грозный, суровый и гневный, страшен в гневе, разъяренно озлобленно разметаёт, пошвыряет, бушует, ярится, шумит, сердится и пенится, то просит прощения за недавнее своё буйство*. Однако носитель языка за этой страстностью видит, *«как любить умеет Море», «как горы на воде умеешь ты качать! Как душу синевой умеешь отуманить!»*

Полярное эмоциональное состояние Байкала – безмятежное спокойствие: *Байкал спокоен, тих и невидим; слегка колыхаясь тихой волной; в величавом дремало покое*.

Между эмоциональными полюсами «страсть» и «безмятежность» нет переходных состояний. Поэтому сибиряк подытоживает: *«изменчив Байкал»,*

46) *«моря тихая гладь, не могу я тебе с этих пор доверять, чуя в недрах стихийную силу!»* (М. Р-ов. 1888 г.).

С данной психологической характеристикой вполне согласуется приписывание Байкалу свободолюбия, независимости.

47) *Не покорился прищельцам дикий дух древнего озера-моря.* ([http:// baikalinfo.blogspot.ru/p/blog-page_17.html](http://baikalinfo.blogspot.ru/p/blog-page_17.html)).

48) *Требуешь полной свободы, дикий и чудный Байкал* (С. Москвин).

Возрастная характеристика также очень актуальна для антропоморфного образа. Чаще она дается через следующие лексемы: *седой Байкал, могучий старик*. В обыденном сознании солидный возраст не согласуется с мощью, однако это неприменимо к Байкалу, поскольку его силы неиссякаемы, старость по отношению к Байкалу прочитывается как вечность: *а ты все молоде; и в снег твоих горных вершин влюблена, взлетает, как юность, шальная волна*. Как совершенно естественная воспринимается концептуализация следующего типа:

49) *Говорят, Байкал седой! Ты не верь. Он такой же молодой и теперь... Молодой вскипает шквал в устьях рек. Дышит вечностью Байкал сотый век* (А. Ольхон).

Концепт **Байкал** встроен в представления о социальных структурах и отношениях. Байкал осмысливается как человек, играющий различные социальные роли: учителя (*стала затем ученицей великого озера, уроки великого озера*), друга (*встреча с ним – это общение с другом; Байкал – товарищ, друг наш старый*) и даже разбойника (*в тоске извечной зол Байкал, кряхтит и нож разбойный точит*). Однако это единичные случаи.

Системно социальные характеристики представлены через концепт **семья**. Байкал – старший брат Хубсугула и озера Айгульское. Но чаще всего Байкал концептуализируется как отец, у которого есть дети в природе. Это сыновья-реки, впадающие в него, и байкальские ветры, которые в легендах выступают также как независимые индивиды, имеющие между собой родственные или любовные связи.

Особое место занимают отношения Байкала и его дочери Ангары. Уникальное природное положение Ангары (это единственная река, вытекающая из Байкала, наряду с более чем 300 реками, вытекающими из него) концептуализируется в уникальном образе гордой и капризной дочери, которую безумно любит отец. В контекстах разнообразно отражается

50) *«могучая страсть их отношений»* (И. Козлов).

Взаимодействие с семьей обеспечивает нормальное существование Байкала, придает ему силы, делает его живым:

51) *Видят речки и ручьи, что старик запечалился, сказали ему: «Не горюй, наш отец, пока мы живы и ты будешь сильным»* (Г. Шелковников).

52) *Вода размывла горы и наделала много падей, и с тех пор потекли по ним ручьи и реки в море. Ожил Байкал, веселее ему стало, в погоду гребни заулыбались, вздохнуло море полной грудью* (Г. Шелковников).

53) *И по тебе идет волнами дрожь от непослушных ветреных детей* (Н. Дробот).

Люди тоже члены этой семьи:

54) *Мы – дети Байкала* (В. Семенова).

55) *«Слышишь, сынку?» – реवेशь, отвечаю тебе: «Слышу, батько!»* (Е. Евтушенко).

Отец богат и щедр (*любит он разную живность и, как отец, дает ей пищу; он богатства свои не считает; батюшка Байкал проявил к нам отеческую благосклонность и щедрость; столько подарков ребятишкам от дедушки Байкала и его дочери Ангары*).

Интересно, что при отчетливой, но при этом имплицитной мысли о том, что от Байкала зависит все в окружающем его мире, доминирующая социальная роль выражается только в образе отца. При этом в качестве обращения используется только слово *батюшка*, в котором выражается и признание его главенствующего положения, и уважение, и теплота чувств¹. Социальная доминация Байкала осмысливается не как власть, господство, а скорее как покровительство, о чем говорит единичное употребление номинации (*Властитель Байкальской страны*), принадлежащей к соответствующей семантике

¹ Как представляется, в традиционных обращениях *матушка Волга, Амур-батюшка* и под. отражается общность принципов формирования аксиологических и образных составляющих целого ряда концептов, составляющих основу русской концептосферы.

ской парадигме. Ни разу Байкал не назван *господином, владыкой* и т.п. Концептуализация Байкала как главы семьи говорит о том, что носитель языка включает его в свою личную сферу.

Итак, концепт **Байкал** занимает важнейшее и особое место в концепто-сфере сибиряка:

56) *Все-таки «священное море» – главное наше богатство. Важнее месторождений и лесов. Байкал реален и одновременно метафизичен, фантастичен и жив. Он духовен, как молитва, но абсолютно популярен, как подростковый шлягер. Он для всех, для каждого и ни для кого. Он, наконец, переживает нас всех...* (А. Гимельштейн).

Кроме того, **Байкал** является полностью сформированным концептом, демонстрирующим некоторые общие признаки подобных ментальных образований:

- наивно-антропоцентрическую основу формирования и бытования;
- структурированность, проявляющуюся в отчетливо выделяющихся понятийно-логической, аксиологической и образной составляющей, каждая из которых фиксирует особый тип информации, важной для носителя языка и учитываемой им при использовании имени концепта;
- целостность, выражающуюся во взаимообусловленности всех составляющих концепта.

Литература

1. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
2. *Карасик В.И.* Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 1999. С. 39–40.
3. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. 1. Архангельск, 1997. С. 11–35.
4. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 287–288.

BAIKAL AS A CENTRAL CONCEPT OF A SIBERIAN'S CONSCIENCE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 1(33), pp 5–15. DOI 10.17223/19986645/33/1
Gorbunova Lyudmila I., Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ludgorbunova@mail.ru

Keywords: Russian language, cognitive linguistics, regional picture of the world, concept, hydronyms, Baikal.

The article considers the concept of Baikal, the content of which is reflected in the poetry and prose of the Siberians. The concept is regarded as a well-structured holistic mental unit. It is proved that all the structural components of the concept are interdependent and demonstrate the important place of Baikal in the world picture of a Siberian. Objective qualities of the lake form the basis of the value component of the concept of Baikal. Dimensions, depth, purity and quantity of water determine the place of Lake Baikal. From the point of view of a native speaker, Baikal is a special object that stands out from the rest of the world, this lake has the ability to influence the environment and the individuals. At the same time, Baikal is a brand of the territory and is interpreted as a special ideological and economic value which a group of people assigned to it.

The conceptual component of the concept reflects the specifics of the naive categorization: Baikal in the Siberian picture is simultaneously conceptualized as a lake and as a sea. This dual categorization shows features of distribution. Baikal is included in the category of lakes when the speaker refers to Baikal as a geographical object; when compares with other lakes; when wants to avoid a repetition; in the texts of scientific and official style. The word "lake" is used in the evaluation contexts only in a

special emotional-expressive and semantic language environment. Categorization of Baikal as a sea is based on the irrelevant attributes of the object which are perceptible to the senses and are important for the speaker in their everyday life. The speaker calls Baikal a "sea" in the texts with the emotional and evaluative component, in the texts about people whose life is directly connected with Baikal. Means of different language levels and precedent texts demonstrate that the categorization of Baikal-sea is more important. Thus the conceptual component of the concept is coordinated with the axiological.

The imaginative component of the concept has a holistic structure and it is mainly anthropomorphic by nature. The texts consistently express physical characteristics of a person. Baikal is conceptualized as a strong old man possessing all human physiological systems. The emotional sphere of the image is associated with polar states: destructive emotions in their extreme manifestations or serenity. Social characteristics are associated with the concept of family. Baikal is conceptualized as the dominant member of society, however, this position is never connected with domination or oppression; it is almost exclusively realized as protection. Baikal is conceptualized as a wise, generous and loving father whose strength is caused and maintained by the presence of his family. People and nature elements are represented as Baikal's children. Baikal is included in the personal sphere of the speaker by the use of certain linguistic means.

References

1. Vorkachev S.G. Kontsept schast'ya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty [The concept of happiness: conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2001, vol. 60, no. 6, pp. 47–58.
2. Karasik V.I. *Otsenochnye dominanty v yazykovoy kartine mira* [Evaluation dominants of the language world picture]. In: Dzhens N.I. (ed.) *Edinstvo sistemnogo i funktsional'nogo analiza yazykovykh edinits* [Unity of the system and functional analysis of linguistic units]. Belgorod: Belgorod State University Publ., 1999, pp. 39–40.
3. Lyapin S.Kh. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda [Conceptology: formation of the approach]. *Kontsepty*, 1997, issue 1, pp. 11–35.
4. Chernyko L.O. *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow, 1997, pp. 287–288.